

Д.Х.

# В О П Р О С Ъ И С Т О Р И И

В Н О М Е Р Е :

ПИСЬМЕННОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ  
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В 1924—1939 гг.  
МАРШАЛ МЕРЕЦКОВ. ПЕРВЫЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ  
ФАШИСТСКИЙ ПУТЧ В АВСТРИИ. 1934 г.  
СТОЛЫПИНЩИНА И КОНЕЦ СТОЛЫПИНА  
ЧТО ТАКОЕ—ПАЛЕОГРАФИЯ  
ЗАГАДКА ДЖОНА БУТА

1966  
Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

2

МОСКВА · 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1966 г.

★

Год издания  
XLI

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

# В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

### С Т А Т Ь И

- Л. М. Зак, М. И. Исаев — Проблемы письменности народов СССР в культурной революции . . . . . 3
- М. Е. Найденов — О ленинском этапе в исторической науке . . . . . 21
- С. М. Троицкий — Историкография «дворцовых переворотов» в России XVIII в . . . . . 38
- Е. Б. Черняк — Социалистический интернационал и борьба против войны (1924—1939 гг.) . . . . . 54
- М. В. Демиховский — Политика правящих кругов США в отношении индейского населения . . . . . 70
- Дискуссии и обсуждения. Ю. М. Гарушяни — Об азиатском способе производства . . . . . 83

### В О С П О М И Н А Н И Я

- Маршал Советского Союза К. А. Мерецков — Дорогами сражений. Первый Дальневосточный . . . . . 101

### П У Б Л И К А Ц И И

- Фашистский путч в Австрии в июле 1934 г. и убийство канцлера Дольфуса . . . . . 110

### Д О К У М Е Н Т А Л Ь Н Ы Е О Ч Е Р К И

- Б. Ю. Майский — Столыпинщина и конец Столыпина . . . . . 123

### И С Т О Р И Ч Е С К А Я Н А У К А В С С С Р

#### Обзоры и рецензии

- К 50-летию Великого Октября. В. П. Верховь — Литература по истории Красной гвардии . . . . . 141
- В. А. Федоров — Историкография крестьянского движения в России периода разложения крепостничества . . . . . 148

К 50-летию Великого Октября. Г. Е. Рейхберг — «Районные Советы Петрограда в 1917 году» . . . . .	156
Ю. В. Воскресенский — В. С. Лельчук. Создание химической промышленности СССР. Из истории социалистической индустриализации	158
В. М. Далин — И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века . . . . .	160
Новые книги . . . . .	163
Статьи в советских периодических изданиях . . . . .	165

#### Встречи в редакции

Р. Ф. Винокурова — Обсуждение статьи П. М. Рогачева и М. А. Свердлина «О понятии «нация» . . . . .	169
Хроникальные заметки . . . . .	172

### ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

#### Обзоры

А. И. Пушкаш — Венгрия в период второй мировой войны . . . . .	176
--	-----

#### По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . . . .	185
Обзор журнала. О. И. Курочкина — «Historical Studies. Australia and New Zealand». University of Melbourne . . . . .	186
Заметки о статьях. О. М. Медушевская — Обсуждение теоретико-методологических проблем истории; А. И. Борозняк — Профсоюзы ФРГ против фальсификации исторического прошлого; В. Л. Мальков — О роли революционного синдикализма в рабочем движении США; Е. Л. Кушнир — Франция и революция 1848 г. в Италии; И. М. Булычев — Революция 1781 г. в Колумбии; И. З. Романов — Культ средневековья находит новых поклонников; С. Я. Берзина — Плавание Ганнона . . . . .	191
Рецензии на советские издания . . . . .	198
Хроникальные заметки . . . . .	200

#### ЗАМЕТКИ

М. С. Кузьмин — Английское общество культурных связей с СССР	203
--	-----

#### ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Д. Г. Людмирский — Харьковский тракторный завод и его первый руководитель . . . . .	207
В. Н. Малов — Что такое палеография . . . . .	209
Загадки истории. В. Е. Качанов — Тайна Джона Бута . . . . .	213

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в номере журнала	219
---	-----

<u>Аркадий Самсонович Ерусалимский</u> . . . . .	219
--	-----

Резюме статей на английском языке . . . . .	220
---	-----

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

**Зак Людмила Марковна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории советского общества Московского государственного историко-архивного института. Специализируется по истории советского общества. Автор работ по истории гражданской войны и социалистической культуры в СССР.

**Исаев Магомет Измаилович**, старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР, кандидат филологических наук, специализируется в области изучения проблемы «язык и общество». Автор монографий «Очерки по фонетике осетинского языка», «Очерки по фразеологии осетинского языка» и ряда статей по языковому строительству в СССР.

**Найденов Михаил Емельянович**, профессор кафедры истории СССР Московского государственного университета. Автор монографии «Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863)», а также ряда работ по советской историографии.

**Троицкий Сергей Мартинович**, кандидат исторических наук, и о старшего научного сотрудника Института истории АН СССР, специализируется по социально-экономической и политической истории России XVIII в., автор ряда статей по этой тематике.

**Черняк Ефим Борисович**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Специалист в области новой истории Англии, международного рабочего движения и историографии. Автор монографий «Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в.», «Историография против истории» и других работ.

**Демиховский Матвей Вениаминович**, кандидат исторических наук, доцент Института инженеров морского флота (г. Баку). Работает по аграрной истории США. Имеет ряд статей по этой тематике.

**Гарушняц Юрий Мисакович**, заместитель заведующего отделом истории журнала «Народы Азии и Африки», автор работ по новой и новейшей истории Китая.

**Мерецков Кирилл Афанасьевич**, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. Видный советский военачальник, участник гражданской войны. В 1921—1941 гг. занимал ряд командных и штабных должностей, в том числе был начальником штаба Белорусского военного округа и ОКДВА, командующим войсками Ленинградского военного округа, заместителем начальника и начальником Генштаба РККА. Во время советско-финляндской войны командовал армией на Выборгском направлении, прорывавшей «линию Маннергейма». В годы Великой Отечественной войны командовал войсками Волховского, Карельского и Первого Дальневосточного фронтов и был заместителем наркома обороны СССР. После войны являлся командующим войсками Приморского, Московского, Северного военных округов и помощником министра обороны СССР по военным высшим учебным заведениям.

**Майский Борис Юрьевич**, пенсионер, в прошлом следователь и адвокат.

---

---

**Людмила Марковна Зак**  
**Магомед Измайлович Исаев**

**ПРОБЛЕМЫ ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР  
В КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

История строительства советской культуры, осуществления культурной революции в СССР включает богатый опыт «языкового строительства», опыт исканий, ошибок и побед на пути создания и совершенствования письменности народов нашей страны. Этот советский опыт интересен и оригинален, ибо ничего подобного по своим масштабам и благотворным последствиям история человечества не знала. Конкретно-исторический анализ этого опыта помогает изучить своеобразие форм культурного строительства в нашей стране и способы преодоления трудностей на этом пути. Этот опыт может также быть полезным и для ряда стран Азии и Африки, освободившихся от колониализма, где множество языков и наречий нередко создает значительные трудности в строительстве новой жизни.

В советской исторической литературе отражены некоторые важные вопросы изучаемого процесса в отдельных республиках, однако в целом по стране он не исследован. Поэтому авторы видят свою задачу в том, чтобы в главных чертах охарактеризовать пути и средства разрешения проблем письменности как одной из сторон в осуществлении культурной революции в нашей стране — проблемы, изучение которой находится на стыке исторической науки и языкознания.

*Трудности «языкового строительства», задачи и первые шаги  
усовершенствования письменности народов СССР*

Великая Октябрьская социалистическая революция не только провозгласила подлинное равенство и суверенность всех народов России, но впервые в истории практически осуществила это равенство. В резолюции X съезда РКП(б) по национальному вопросу были сформулированы главные задачи партии в борьбе за уничтожение фактического неравенства народов нашей страны<sup>1</sup>. Но для того, чтобы осуществить эти важные программные положения, требовалась громадная работа в области культуры. Необходимо было развернуть подготовку национальных кадров в ранее отсталых районах. Чтобы подготовить, приобщить народы окраин России к строительству социалистической экономики и культуры, нужно было прежде всего создать для бесписьменных народов общедоступную письменность на родном языке — основу всестороннего обучения детей и борьбы против безграмотности взрослых, а также улучшить существовавшие письменности.

---

<sup>1</sup> См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК»  
т. 1. 7-е изд., стр. 559.

Выполнение этой задачи требовало чрезвычайно больших усилий лингвистов и всей прогрессивной интеллигенции. Советская власть унаследовала от царизма запущенное и запутанное «языковое хозяйство». Из 130 языков народов нашей страны лишь 20 имели более или менее разработанную письменность. Своей оригинальной графикой письма пользовались только русские, грузины и армяне, создавшие развитые литературные языки.

До Великой Октябрьской социалистической революции в той или иной степени пользовались русским алфавитом представители еще семи народов (украинцы, мордва, осетины, чуваша, коми, удмурты, якуты), исповедовавшие христианскую религию. Эстонцы, латыши и литовцы пользовались латинской графикой. Буряты и калмыки, исповедовавшие ламаистскую веру, строили свое письмо на основе разновидности древнеуйгурско-монгольской письменности. Караимы, крымские, горские, среднеазиатские и восточноевропейские евреи (исповедовавшие иудаизм разного толка) пользовались древнееврейской письменностью. Среди многочисленных мусульманских народностей Средней Азии и Кавказа появилась письменность на основе арабского алфавита, в разной степени арабскую графику приспособляли к своим языкам 16 различных народностей (узбеки, таджики, казахи, азербайджанцы, татары, чеченцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, адыги, кумыки, аварцы, лакцы, табасаранцы, лезгины, балкарцы). Однако следует отметить, что эта письменность была недоступна широкому народному массам. На многих языках ее применение ограничивалось в основном сферой религии, и письмом пользовались главным образом духовные круги. Недаром само появление и характер письма в большинстве случаев непосредственно связаны с тем или иным вероисповеданием.

Вся книжная продукция на некоторых языках состояла лишь из букваря да двух-трех церковных книжек. Поэтому не удивительно, что как у бесписьменных, так и у «письменных» народов процент неграмотности был весьма высоким. В Азербайджане, например, до революции 95,5% населения оставалось неграмотным; количество грамотных среди народов Кавказа, Поволжья и Средней Азии составляло 1—2%; сплошная неграмотность царилла среди народов Крайнего Севера<sup>2</sup>.

Решение проблемы письменности, кроме всего прочего, осложнялось чрезвычайной пестротой картины языковой жизни многочисленных народов, населявших бывшую царскую империю. Их языки, разные по своему строю, по происхождению, относились к самым различным генетическим семьям и группам. Наиболее крупная семья индоевропейских языков на территории СССР представлена восточнославянскими (русским, украинским, белорусским), балтийскими (латышским и литовским) и иранскими языками (таджикским, осетинским, курдским, татским, талышским, ягнобским и памирскими диалектами). Сюда же входят молдавский и армянский языки. Другую семью языков на территории Советского Союза образуют тюркские языки. К ним относятся пять языков основного населения союзных республик (азербайджанский, казахский, киргизский, туркменский, узбекский), шесть языков, носители которых образуют ныне автономные республики (башкирский, каракалпакский, татарский, тувинский, чувашский, якутский) и другие (карачаево-балкарский, кумыкский, алтайский, хакасский, гагаузский, барабинский, караимский, ногайский, новоуйгурский, шорский, чулымский, крымско-татарский). На Кавказе проживает около 50 народов, говорящих большей частью на так называемых иберийско-кавказских языках, включающих три большие группы: картвельские (грузинский, занский, сванский), абхазо-адыгские языки (абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский), нахские (чеченский, ингуш-

<sup>2</sup> См. «Торжество ленинской национальной политики», М. 1963, стр. 284.

ский, бацбийский) — и большую группу дагестанских языков (аварский, андийский, ботлхский, годоберийский, каратинский, ахвахский, багульский, тиндийский, чамалинский, цезский, хваршинский, гинухский, бежитинский, гунзибский, лакский, даргинский, лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, судухский, хиналугский, удинский и множество диалектов).

Финно-угорская семья языков насчитывает около полутора десятка языков (эстонский, карельский, эрзя-мордовский, мокша-мордовский, восточнолуговой марийский, горномарийский, удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, хантыйский, мансийский, ливский, водский, вепский, ижорский, саамский). Сюда же близко примыкают так называемые «самодийские языки» (ненецкий, нганасанский, селькупский, энецкий), на которых говорят малые народности Севера.

На Крайнем Севере и в Сибири распространены еще другие группы языков: тунгусо-маньчжурские языки (эвенкийский, негидальский, эвенский, нанайский, ульчский, орокский, ороцкий, удэхейский), палеоазиатские языки (чукотский, корякский, алюторский, керекский, ительменский, алеутский, эскимосский), изолированные языки (нивхский, юкагирский, кетский). Особо выделяются монгольские языки (бурятский и калмыцкий).

Весьма различны и общественные функции языков в соответствии со степенью развитости самих народов, их численностью, наличием и давностью традиций письма. Эта пестрота различных факторов создавала значительные трудности как для осуществления культурной революции в целом, так и для языкового строительства — одного из ее составных элементов. Именно поэтому уже в первые годы Советской власти усовершенствование существующих письменностей и создание новых стало первоочередной задачей в деятельности ученых-лингвистов. К этой проблеме было приковано также внимание партийных и советских органов, работников просвещения и интеллигенции в центре и на местах.

В исключительно важном по своему прогрессивному значению процессе улучшения письменности пример подал русский народ, хотя русское письмо, казалось бы, являлось более совершенным, чем многие другие. Реформа русской письменности была закреплена законодательными актами Советского государства от 23 декабря 1917 года<sup>3</sup>. Целью ее была демократизация графики и орфографии русского языка, упорядочение и упрощение русского правописания<sup>4</sup>, что имело огромное значение в период развертывания борьбы за ликвидацию неграмотности в стране. Следует также отметить прогрессивное влияние этой реформы на последующий пересмотр вопросов письменности других народов.

Письменность многих народов страдала существенными недостатками, что в известной мере тормозило дело культурного строительства и просвещения. В особенности это относится к уйгурско-монгольской, древнееврейской и арабской формам письма. Но если двумя первыми пользовались лишь несколько малых народностей, то арабской графикой — 16 народов, среди которых были такие многочисленные, как уз-

<sup>3</sup> «Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию». Вып. I. М. 1918. стр. 30—32.

<sup>4</sup> Недостатки в графике и орфографии русского языка были предметом дискуссий языковедов конца XIX — начала XX века. В 1904 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук была образована Орфографическая комиссия (а затем и подкомиссия). Однако результаты ее работы до революции не получили положительного решения и были претворены в жизнь лишь Советской властью. Сущность реформы заключалась в устранении ненужных букв ъ, і, ѳ, излишнего употребления ъ в конце слов, а также в замене прежней передачи окончания родительного падежа прилагательных.

беки, татары, казахи, азербайджанцы, таджики. Арабская графика вполне устраивала мусульманское духовенство, требовавшее лишь слепого повиновения религиозным догмам корана. Недостатки графики арабского письма не были особенно заметными в период, когда люди писали от руки. Однако в эпоху интенсивного развития книгопечатания и массового обучения грамоте все недочеты, таившиеся в этой графике, резко выявились и стали тормозом в распространении просвещения. На трудность освоения арабского письма обращал в свое время внимание еще Ф. Энгельс, который, как известно, много и серьезно занимался проблемами языкознания<sup>5</sup>. Из 28 букв арабского алфавита самостоятельное начертание имеют лишь 16, остальные отличаются друг от друга всевозможными диакритическими знаками, что не может не осложнять их восприятие и печатание. К тому же почти все буквы имеют по два-три написания в зависимости от их места в слове: в начале, середине, конце. Для изображения гласных звуков в основном алфавите имеется всего три буквы. Сложность обучения была одной из главных причин того, что в первые годы Советской власти ликвидация неграмотности у народов с арабской письменностью осуществлялась весьма медленными темпами. По данным переписи 1926 г., процент грамотного населения от 9 лет и старше в Азербайджане составлял 25,2%, в Казахстане — 22,8%, в Киргизии — 15,1%, в Туркмении — 12,5%, в Узбекистане — 10,6%, в Таджикистане — 3,7%<sup>6</sup>.

Переход на более простую и доступную народным массам графическую основу письма был насущно необходим ввиду экономических и культурных потребностей народов, начавших социалистическое строительство.

### *Латинизация алфавитов народов СССР*

В 20-х годах у многих народов нашей страны произошел переход на латинизированный алфавит. Инициатором здесь выступили ученые Азербайджана, где в 1922 г. был организован специальный комитет во главе с Н. Наримановым для подготовки перехода на новый алфавит. В 1922 г. В. И. Ленин, выслушав информацию представителя азербайджанского правительства о мероприятиях по переходу на новый алфавит, подчеркнул значение реформы, сказав, что это есть революция на Востоке<sup>7</sup>. Почин Азербайджана был поддержан другими народами. В 1925 г. работники просвещения из Средней Азии направили к азербайджанским товарищам специальное письмо, в котором просили поделиться опытом латинизации алфавита.

В 1925 г. на 2-й конференции по просвещению горских народов Северного Кавказа было принято решение о латинизации письменности ингушей, кабардинцев, карачаевцев, адыгейцев, чеченцев<sup>8</sup>. 1 марта 1926 г. было принято постановление Президиума Закавказского ЦИК в развитие его постановления от 28 декабря 1925 г., по которому новый латинский алфавит считался обязательным наравне с существовавшим арабским<sup>9</sup>. В то же время в Якутии, в условиях жизни совершенно иных, уже с 1920 г. по инициативе молодого якутского лингвиста С. Новгородова, поддержанного местными органами Советской власти, также осуществлялся переход на латинскую графику письма<sup>10</sup>.

<sup>5</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 495.

<sup>6</sup> «Культурное строительство СССР». Статистический сборник. М.-Л. 1940, стр. 7.

<sup>7</sup> См. И. Хансуваров. Латинизация — орудие ленинской национальной политики. М. 1932, стр. 21.

<sup>8</sup> См. Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху. «Вопросы языкознания», 1957, № 5, стр. 19.

<sup>9</sup> См. «Братское содружество народов СССР (1922—1936)». Сборник документов. М. 1964, стр. 335.

<sup>10</sup> См. «Алфавит Октября». Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР. Сборник статей. М.-Л. 1934, стр. 17.



В феврале 1926 г. в Баку состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд, посвященный вопросам латинизации письменности тюркоязычных народов. В его работе участвовали представители горских кавказских народов Советского Союза. На съезде был создан Центральный комитет нового тюркского алфавита под руководством председателя ЦИК Азербайджана С. Агамалы-оглы (Н. Нариманов умер в 1925 году).

Спустя два года А. М. Горький с восхищением рассказывал о культурном празднике в Баку, посвященном шестой годовщине латинского алфавита. «Изумительный старец Самед-Ага-Агамалы-оглы, президент республики тюрков, инициатор замены арабского алфавита латинским,— рассказывал А. М. Горький,— говорил пламенные речи, как юноша. С законной гордостью он вспоминал, как Владимир Ильич сказал ему: «Латинский алфавит — первый шаг, которым вы начинаете культурную революцию среди тюрков»<sup>11</sup>. Владимир Ильич не случайно одобрительно отнесся к идее латинизации письменности. Бережное, уважительное отношение Коммунистической партии и Советского правительства к развитию национальных языков и письменности сочеталось с мерами по облегчению сложного для быстрого восприятия широкими слоями молодежи и трудящихся арабского письма.

Комитет проделал большую и сложную работу среди народов с арабской письменностью по латинизации их алфавита, а также по созданию новой письменности на основе латинской графики у некоторых малых народностей. В конце 20-х — начале 30-х годов переход к латинизированному алфавиту осуществили Азербайджан и все республики Средней Азии, а также ряд автономных республик и областей. Как конкретно осуществлялся этот переход, показывает публикация документов по истории культурного строительства в Киргизии. Решение о переходе было принято на областном научно-педагогическом съезде Киргизской автономной области в мае 1925 года<sup>12</sup>. Большое значение при решении этого вопроса имел отчет делегатов Киргизии об итогах I Всесоюзного тюркологического съезда в Баку<sup>13</sup>.

В конце 1926 г. V пленум Исполкома Киргизской автономной области заслушал доклад о введении нового тюркского (латинского) алфавита в Киргизии. Было принято следующее решение: «Учитывая полное преимущество нового киргизского алфавита перед старым, арабским и основываясь на желании широких масс населения, а также учитывая в этом отношении положительный опыт тюрко-татарских республик, признать необходимым скорейшее введение в Киргизской автономной области ново-киргизского алфавита»<sup>14</sup>. Постепенно к концу 1931 г. арабский алфавит был в Киргизии повсеместно заменен новым, латинским<sup>15</sup>. В этой работе активное участие принимали широкие массы трудящихся республики: создавались кружки и курсы по изучению нового алфавита, собирались добровольные пожертвования.

Такая же картина наблюдалась по всем республикам Средней Азии. Председатель Туркменского ЦИК М. А. Айтаков, выступая на II сессии ЦИК Союза ССР, ярко охарактеризовал значение латинизации алфавита. «Введение латинизированного алфавита,— сказал он,— явилось большим толчком для дальнейшего культурного роста Туркмении. Старый, арабский алфавит теперь окончательно похоронен»<sup>16</sup>.

Ликвидация арабского алфавита не причинила никакого ущерба народам советской Средней Азии. Ведь историко-литературного на-

<sup>11</sup> Цит. по: И. Хансуваров. Указ. соч., стр. 21—22.

<sup>12</sup> «Культурное строительство в Киргизии (1918—1929)». Сборник документов и материалов. Т. I. Фрунзе. 1957, стр. 228.

<sup>13</sup> Там же, стр. 229.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Там же, стр. 230.

<sup>16</sup> Цит. по: И. Хансуваров. Указ. соч., стр. 22.

следства на этом алфавите фактически не существовало. Однако осуществление этого мероприятия сопровождалось острой идеологической борьбой. В Азербайджане кулаки с благословения духовенства учинили расправу над многими сельскими учителями, внедрявшими в своих школах латинскую письменность. Немало случаев террора в отношении «латинистов» было в Узбекистане<sup>17</sup>. Реакционное духовенство объявило противников арабского алфавита каджарами, то есть «неверными», так как коран и «имя самого аллаха» были якобы начертаны арабскими буквами божественной силой<sup>18</sup>. Бай-манапы, духовенство и их приспешники в Киргизии также яростно сопротивлялись ликвидации арабского алфавита, как алфавита, якобы «ниспосланного самим Магомедом», или стремились «доказать», что с принятием нового алфавита снизится уровень грамотности коренного населения. Переход к латинскому алфавиту, как замечает историк С. Данияров, «нанес сокрушительный удар по мусульманскому духовенству, использовавшему арабскую письменность как орудие духовного угнетения трудящихся киргизов»<sup>19</sup>.

Следует подчеркнуть, что латинизация, составляющая особый этап в развитии письменности народов СССР, сыграла положительную роль в культурном и социальном развитии многих народов нашей страны. Письмо на латинской основе сменило несовершенную письменность на арабской, древнееврейской, древнеуйгурско-монгольской графике, которой пользовались главным образом в религиозных целях. Замена графической основы одновременно означала превращение письменности из орудия религиозной пропаганды в орудие социального прогресса. Латинская графика оказалась намного удобнее (чем вышеназванные) для создания новых алфавитов.

Встает вопрос: почему не был совершен переход сразу на русскую графическую основу, не было ли ошибкой введение латинского алфавита? Для ответа на этот вопрос необходимо себе представить всю сложность проблемы и конкретные исторические условия ее разрешения.

В двуедином процессе развития национальных культур — «расцвета» и «сближения» — на первых порах после революции наиболее актуальными были вопросы «расцвета». Что касается второй стороны — «сближения», то она стала очевидной для широких масс трудящихся лишь в последующий период, когда переход на русский алфавит явился актом, вызванным к жизни в результате значительного сближения культур и языков народов СССР. Кроме того, в первые годы Советской власти требование перехода на русскую графику могло быть истолковано как рецидив старой, русификаторской политики царизма.

Вот почему Коммунистическая партия и Советское правительство поддержали инициативу, проявленную на местах, по латинизации старой, несовершенной письменности и созданию новых алфавитов на базе латинской графики.

7 августа 1929 г. Президиумом ЦИК СССР и СНК СССР было принято постановление о введении нового латинизированного алфавита. В постановлении за новым латинизированным алфавитом признавалось «особое культурно-экономическое значение» и подчеркивалось, что эта мера осуществлялась в соответствии «с волеизъявлением рабочих и трудящихся крестьян (дехкан) народов арабской письменности Союза ССР»<sup>20</sup>. Постановление обязывало все государственные учреждения и

<sup>17</sup> Там же, стр. 20.

<sup>18</sup> См. Т. Н. Кары-Ниязов. Очерки истории культуры Советского Узбекистана. М. 1955, стр. 272; С. Раджабов. К истории советской школы в Узбекистане. Ташкент. 1955, стр. 46.

<sup>19</sup> С. Данияров. Культурное строительство в Советском Киргизстане (1918—1930). Фрунзе. 1963, стр. 87.

<sup>20</sup> «Братское содружество народов СССР (1922—1936 гг.)», стр. 383—384.

предприятия общесоюзного значения во всех случаях письменного и печатного применения тюркско-татарских языков пользоваться этим алфавитом, прекратить издания на старом, арабском алфавите, а вузам и научным учреждениям обеспечить использование нового алфавита в преподавательской работе.

15 августа 1930 г. Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР принял специальное постановление по докладу Центрального комитета нового тюркского алфавита. В докладе подводились итоги проведения латинизации письменности за 1927—1930 годы. Латинский алфавит, говорилось в постановлении, «одержал полную победу над арабской графикой, охватив 36 национальностей с численностью более 3,5 млн. трудящихся»<sup>21</sup>. Латинизация письменности характеризовалась как «мощное орудие культурной революции на Советском Востоке». Ее показателем служило издание на основе латинской графики до ста названий газет и журналов и литературы на сорока языках<sup>22</sup>. Отметим ряд недостатков в проведении реформы, постановление формулировало необходимость перевода комитета из Баку в Москву с тем, чтобы принять его в непосредственное ведение Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР<sup>23</sup>. Таким образом, Центральный комитет нового тюркского алфавита, деятельность которого давно вышла за национальные рамки Азербайджана, был в 1930 г. реорганизован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита при ЦИК Союза ССР (ВЦКНА)<sup>24</sup>.

Аппарат ВЦКНА состоял из 29 человек<sup>25</sup> и включал 4 производственных сектора: кавказских, тюркско-татарских, угро-финских языков и технографический. К 1 января 1935 г. в ведении ВЦКНА находилось около 35 местных комитетов нового алфавита. Комитет объединял работу на 70 языках национальностей, перешедших на новый алфавит, с населением в 26 млн. человек<sup>26</sup>. Это была большая и трудная научная и организаторская деятельность.

ВЦКНА явился научно-организационным центром для решения общих и теоретических вопросов в связи с разработкой новых алфавитов. Огромную роль в этом сложном деле играл опыт выдающихся русских ученых-языковедов. Именно благодаря их знаниям, эрудиции, таланту в короткий срок была проведена трудоемкая и кропотливая работа по изучению фонетической системы, грамматического строя и словарного состава бесписьменных языков. На Северном Кавказе, в Дагестане разработкой алфавита для аварцев, даргинцев, лаков, лезгин, кабардинцев, чеченцев, адыгейцев и других младописьменных народов руководили профессора Н. Ф. Яковлев и Л. И. Жирнов. Крупнейшие тюркологи Е. Д. Поливанов, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, А. К. Боровков, К. К. Юдахин, Н. А. Баскаков внесли свой вклад в разработку письменности для тюркских народностей. Плодотворно работали в области подготовки новых алфавитов для финно-угорских народов советские ученые Д. В. Бубрих, В. И. Лыткин и другие.

Серьезную помощь в этой работе оказал крупнейший ученый-языковед академик Н. Я. Марр. Его роль в разрешении вопросов создания литературных языков для бесписьменных народностей и развития письменности у тех народов, где она сделала лишь первые шаги, от-

<sup>21</sup> Там же, стр. 402.

<sup>22</sup> См. там же.

<sup>23</sup> См. там же, стр. 403

<sup>24</sup> Центральный государственный архив РСФСР (ЦГА РСФСР), ф 301, оп 2, д. 2526, л 13.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), ф 3316, оп. 29, д. 341, л. 3.

мечал журнал «Революция и национальности». «Одной из крупнейших заслуг Н. Я. Марра,—говорилось в журнале,—является вовлечение им в круг лингвистических исследований бесписьменных языков малых народов и народов, угнетенных при царизме»<sup>27</sup>. Ученый-коммунист проявил недюжинную энергию: несмотря на свою загруженность как руководителя многих научных учреждений, он совершал многочисленные поездки для собирания материалов на местах, лично участвовал во многих научных экспедициях, показывая пример многостороннего изучения живых разговорных языков и диалектов. Важное значение имел доклад Н. Я. Марра «Письмо и язык» на I пленуме Научного совета ВЦКНА в феврале 1933 года<sup>28</sup>. Большую помощь ВЦКНА оказали также академики А. Н. Самойлович и И. И. Мещанинов<sup>29</sup>.

Постепенно ВЦКНА и его местные комитеты охватывали все более сложный комплекс вопросов, поставленных перед ними развитием языка и письменности народов СССР.

### *Создание алфавита для бесписьменных народов Севера*

Особо сложным был вопрос о письменности на языках многочисленных народов Севера, которые почти все были бесписьменными.

В свое время большая и сложная работа по изучению языков северных народов была проведена группой народовольцев, сосланных на Дальний Восток. В. И. Йохельсон изучал корякский, юкагирский и алеутский языки, В. Г. Богораз-Тан — чукотский, ительменский и ламутский, А. Я. Штернберг — гильяцкий, аинский и отчасти гольдский. Они же составили первые — ценные по фактическому материалу и чуждые духу миссионерства и колонизаторства — словари и грамматики этих языков<sup>30</sup>.

По инициативе А. Я. Штернберга и В. Г. Богораз-Тана на северном факультете Ленинградского института востоковедения в 1926 г. началось преподавание национальных языков среди обучавшихся там студентов-«северян»<sup>31</sup>. Первым начал преподаваться эвенкийский язык, для которого был разработан алфавит на латинской основе, а к 1930 г. — и другие основные языки. Еще до этого студенты географического факультета Ленинградского университета ездили в качестве учителей и секретарей сельсоветов в северные районы для изучения местных языков. В 1930 г. работа приняла организованный характер, был создан Институт народов Севера имени П. Г. Сидовича (ИНС) и Научно-исследовательская ассоциация при нем.

Зачастую создателями письменности для северных народов выступали сами учителя, работавшие на далеком Севере. В 1928 г. в Хабаровске был издан букварь нанайского языка («Первая грамота»), составленный Н. А. Липской-Вальронд. В 1930 г. в Аркинской школе Охотско-Эвенского национального округа учитель Ткачик составил эвенкийский (ламутский) букварь на русской графической основе и вел по нему занятия, а в Ногаеве краевед Левин в 1931 г. составил букварь с латинским шрифтом и размножил его в 200 экземплярах. В течение двух лет школы Корякского национального округа вели занятия по этим букварям. Тогда же группа учителей Корякской культбазы — Богданова, Коваленко и Лонгинов — составила корякский букварь<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> «Революция и национальности», 1935, № 2(60), стр. 42.

<sup>28</sup> См. «Письменность и революция». Сборник 1. М.-Л. 1933, стр. 14—25.

<sup>29</sup> ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 29, д. 541, л. 11.

<sup>30</sup> «Материалы 1-й Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера». Л. 1932, стр. 44.

<sup>31</sup> ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 937, л. 45.

<sup>32</sup> См. Ф. Ф. Кронгауз. К истории советской школы на Крайнем Севере. М. 1948, стр. 107.

Работа по созданию письменности для народов Севера натолкнулась на противодействие отдельных работников, которые, например, предлагали в Архангельской губернии и на Урале просто усилить изучение русского языка, а специальной письменности для Севера вообще не создавать, ссылаясь на «дикость и малочисленность его народов»<sup>33</sup>. Такие взгляды носили великодержавно-шовинистический характер. Советская власть в лице Комитета Севера дала должный отпор этим попыткам извратить ленинскую национальную политику.

Научно-исследовательская ассоциация при ИНС привлекла к работе лингвистов, этнографов и студентов ИНС<sup>34</sup>. К концу 1930 г. она разработала и представила в ВЦКНА проект «Единого северного алфавита» на основе латинской графики, который был 23 февраля 1931 г. утвержден<sup>35</sup>. В январе 1932 г. была созвана I Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера. В ней участвовали делегаты Наркомпроса РСФСР, Комитета Севера, ВЦКНА, Академии наук СССР, ЦК ВЛКСМ, студенты ИНС, представители местных отделов народного образования (Эвенкийского, Витимо-Олекминского и др.). Конференция обсудила вопросы создания северных литературных языков, вопросы алфавита, очередные задачи культурного строительства на Крайнем Севере и программы для национальных школ. Главное значение конференции — в утверждении единого алфавита для народов Севера. Конференция приняла проект создания литературных языков для 14 северных народностей. В мае 1932 г. был организован специальный Комитет нового алфавита народов Севера, а позже — окружные и районные комитеты на местах<sup>36</sup>.

Однако необходимо заметить, что в процессе латинизации алфавитов были допущены ошибки, заключавшиеся в провозглашении латинского алфавита «алфавитом всемирного коммунистического общества» и переводе на латинскую основу письменности даже тех народов, которые до этого уже пользовались русским письмом. Создание единого алфавита на латинской основе для большинства народов Севера не оправдывало себя. Этот алфавит противоречил естественноисторическому развитию отдельных народов и их желанию пользоваться русским алфавитом. При обсуждении работы Комитета нового алфавита 1 июня 1935 г. Президиум ЦИК Союза ССР обратил внимание на серьезную ошибку, допущенную в его деятельности: были переведены на латинский алфавит отдельные языки народов Севера, а также других народов, до тех пор пользовавшихся русской графикой письма (удмурты, мордва, чуваша, коми, осетины, ойроты и другие)<sup>37</sup>. Эта ошибка имела принципиальное значение. Комитет нового алфавита возводил латинизацию в «абсолют», считая латинский алфавит «единственно революционным»<sup>38</sup>. И. Хансуваров, например, считал, что интернационалист может отстаивать только латинский алфавит, который якобы будет основным для всех народов «при грядущей победе мировой революции»<sup>39</sup>. Всякие попытки рассматривать русский алфавит как основу письменности нерусских народов клеймились как контрреволюционные действия, которые «льют воду на мельницу буржуазии средневековья»<sup>40</sup>.

<sup>33</sup> См. «Материалы I-й Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера», стр. 57.

<sup>34</sup> См. «Тайга и тундра», 1932, № 4, стр. 52.

<sup>35</sup> См. «Просвещение на Советском Крайнем Севере». Л. 1957, стр. 81.

<sup>36</sup> ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 937, л. 48.

<sup>37</sup> ЦГА РСФСР, ф. 301, оп. 2, д. 2526, л. 41; д. 2177, лл. 28, 33; «Революция и национальности», 1935, № 6(64), стр. 99.

<sup>38</sup> Это направление характеризует ряд изданий комитета, вышедших в начале 30-х годов: «Письменность и революция»; «Алфавит Октября»; И. Хансуваров. Указ. соч., и др.

<sup>39</sup> См. И. Хансуваров. Указ. соч., стр. 21.

<sup>40</sup> Там же.

Когда отдельные ученые доказывали целесообразность сохранения русской графики письма как исторически сложившейся, их обвиняли в великодержавном шовинизме. Примечательна в этом смысле полная драматизма борьба осетинского ученого-языковеда Б. А. Алборова, который, выступая за сохранение для Осетии русской письменности, заявлял, что латинская графика здесь не имеет за собой будущего<sup>41</sup>. Как пишет А. К. Хачиров, «научная прозорливость ученого со служила ему плохую службу. Алборов был обвинен в великодержавном шовинизме, во враждебной, контрреволюционной деятельности. Развязный, грубый тон, который стал уже господствовать в полемике 30-х годов, обрушился на профессора, и он был зачислен в стан классовых врагов»<sup>42</sup>. «Латинизаторы» бдительно следили за тем, чтобы в северный алфавит не просочились никакие заимствования из русского языка, боясь, что это будет «отголоском старой, русификаторской политики»<sup>43</sup>.

В августе 1936 г. на Первом всероссийском совещании Наркомпросов автономных республик и завоблсно автономных областей отмечалось, что Наркомпрос РСФСР (Главнаука) также не ведет борьбу с такими извращениями в работе ВЦКНА, «считая, что русский алфавит несет в себе феодально-патриархальные пережитки»<sup>44</sup>. Подводя итоги экспедиций Наркомпроса по проверке школ Севера, заместитель наркома просвещения РСФСР М. Д. Гусейнов сделал вывод, что настало время перевести северные народы на русский алфавит, что, «конечно, все преимущества имеются на стороне русского алфавита», так как этот алфавит «ребятам гораздо легче: и там и здесь они будут знать одинаковые буквы»<sup>45</sup>.

В отчете Восточно-Сибирского обкома ВКП(б) о работе за 1936 год перед ЦК партии со всей остротой был поставлен наболевший вопрос о письменности северных народов. В отчете указывалось, что «единый северный алфавит (ЕСА), выработанный Ленинградским институтом народов Севера на основе латинизированного алфавита для всех 26 народностей Советского Севера, и единый литературный язык (эвенкийский) — плод явно формалистического творчества»<sup>46</sup>. В отчете далее говорилось, что Север буквально «наводнен» латинизированной литературой, особенно на эвенкийском языке, и эти «латинизированные книги некуда девать». Эвенки, как указывалось в документе, не могут пользоваться этими печатными изданиями из-за их «искусственного словотворчества»<sup>47</sup>. Обком партии оценивал эту линию огульного латинизирования советских в прошлом бесписьменных народов как линию политически и практически вредную. В отчете показано, что эвенки разбросаны по огромной территории Советского Севера группами от 300 до 2 тыс. человек, говорившими на различных диалектах, но почти повсеместно владевшими русским языком. «Поэтому,— предлагал обком,— проще и целесообразнее для письменности этой народности взять в основу русский алфавит, чтобы облегчить трудящимся эвенкам овладение письменностью обоих языков — родного и русского»<sup>48</sup>.

Эти соображения партийных и общественных организаций и учет мнений самих трудящихся Севера заставили пересмотреть вопрос об алфавите для северных народов. 11 февраля 1937 г. Постановлением Со-

<sup>41</sup> Б. А. Алборов. История осетинских письмен. Владикавказ. 1929, стр. 76.

<sup>42</sup> А. Хачиров. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе. 1964, стр. 79—80.

<sup>43</sup> Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 21, д. 1146, л. 77.

<sup>44</sup> ЦПА РСФСР, ф. 301, оп. 2, д. 2535, л. 33.

<sup>45</sup> Там же, д. 1891, л. 77 об.

<sup>46</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 1146, л. 77. В документе ошибочно говорится о 26 народах Севера. В действительности алфавит был создан для 14 народов.

<sup>47</sup> Там же, лл. 77—78.

<sup>48</sup> Там же, л. 78.

вета Национальностей ЦИК СССР письменность малых народов Севера была переведена на русскую основу<sup>49</sup>.

### *Развитие языковой культуры народов СССР в 30-е годы*

С развитием социалистической культуры народов СССР перед ВЦКНА ставились все более и более серьезные задачи. Местные Комитеты нового алфавита, как правило, были еще малоопытны и нуждались в квалифицированном руководстве.

Еще 16 июня 1935 г. работу ВЦКНА обсуждал Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР, который заслушал доклад заместителя председателя ВЦКНА Д. З. Коркмасова. В выводах комиссии Совета Национальностей, обследовавшей работу комитета, говорилось о том, что разработка важнейших вопросов языков и письменности отстает от требований времени, ведется вяло, принимает затяжной характер, что в деятельности комитета «превалируют кустарные, малоэффективные методы работы»<sup>50</sup>. Президиум ЦИК Союза ССР 17 августа 1935 г. принял развернутое решение о работе ВЦКНА, по которому комитет был обязан «развернуть работу по оказанию систематической помощи национальностям в развитии литературного языка и научной разработке орфографии, терминологии, грамматики и словарей»<sup>51</sup>. В постановлении подчеркивалась необходимость организовать научную базу ВЦКНА, обязав Институт востоковедения, Институт языка и мышления Академии наук СССР, Институт национальностей ЦИК, правление Союза советских писателей, местные комитеты национальных культур «обеспечить планомерной регулярной помощью Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита»<sup>52</sup>.

Таким образом, Президиум ЦИК СССР этим своим решением ставил вопрос о превращении Центрального комитета нового алфавита во всесоюзный орган по вопросам орфографии, терминологии и письменности и вообще по вопросам развития языка<sup>53</sup>. Состав комитета и его президиум был укреплен и утвержден Президиумом Совета Национальностей. В Президиум ВЦКНА вошли Г. Мусабеков (председатель), Д. З. Коркмасов (заместитель), Н. Н. Нурманов (заместитель), А. И. Хацкевич, Т. Р. Рыскулов, С. М. Диманштейн, К. Я. Бауман, Г. Лахути, Б. М. Волин, Д. Абидова<sup>54</sup>.

Работа по развитию языка и письменности активно развертывалась и на местах. В марте 1936 г. ВЦКНА заслушал доклад Чувашского научно-исследовательского института социально-культурного строительства о языковом строительстве в Чувашской АССР. Институт в Чебоксарах провел значительную работу по упорядочению орфографии и терминологии, издал стабильные учебники по грамматике чувашского языка, осуществил переводы некоторых трудов классиков марксизма-ленинизма, а также общественно-политической, сельскохозяйственной и медицинской литературы, издал 9 выпусков «Академического словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина<sup>55</sup>. В ноябре 1935 г. в Якутске был организован Институт языка и культуры, который составил несколько орфографических и терминологических словарей<sup>56</sup>.

<sup>49</sup> См. «Советская Арктика», 1938, № 7, стр. 30. При этом из-за малочисленности или большого распространения среди них русского языка селькупы, кеты, алеуты не получили своей письменности. Для удэ и нивхов письменность не была создана из-за отсутствия специалистов, знающих этот язык (см. Ф. Фронгауз. Указ. соч., стр. 113).

<sup>50</sup> ЦГА РСФСР, ф. 301, оп. 2, д. 2526, л. 27.

<sup>51</sup> ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 29, д. 541, л. 2.

<sup>52</sup> Там же.

<sup>53</sup> ЦГА РСФСР, ф. 301, оп. 2, д. 2177, л. 28.

<sup>54</sup> Там же, л. 29.

<sup>55</sup> Там же, д. 2526, л. 89.

<sup>56</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 5775, л. 184.

Многие местные партийные и советские организации отчетливо представляли себе значение вопросов развития языка и письменности для культурного строительства своих народов. «Недостаточная разработанность грамматики удмуртского языка, орфографии, а также бессистемность и случайность в терминологической работе,— говорится в отчетном докладе Удмуртского обкома ВКП(б) за 1936 год,— задерживают темпы развития национальной культуры, а также создают огромные затруднения в переводческой работе, в особенности в переводах классиков марксизма-ленинизма»<sup>57</sup>. Под руководством обкома партии в 1937 г. была подготовлена научная языковая конференция с обсуждением вопросов об основах научной грамматики удмуртского языка, о терминологии, орфографии, переводах на удмуртский язык. Предварительно на совещаниях партийных работников, агрономов, редакторов, учителей обсуждались спорные вопросы языковой культуры народа, создание словарей<sup>58</sup>.

Советские языковеды провели большую работу по разработке теоретического и прикладного языкознания, обогатив этим мировой научный опыт. Одновременно с составлением алфавитов для младописьменных языков они разрабатывали орфографию, ее правила, опираясь на нормы живого языка, учитывая взаимосвязь между ними. В то же время велась большая работа по созданию и развитию терминологии — общественно-политической, научной, технической. Жизнь вызвала необходимость подготовки и издания различных двуязычных словарей: национально-русских, русско-национальных, терминологических, орфографических. Как отмечает советский языковед Ю. Д. Дешериев, на разных этапах развития языкового строительства объем и качество этой работы были различными<sup>59</sup>.

Первыми были подготовлены словари: русско-чеченский (1930 г.), осетинско-русско-немецкий (1927—1934 гг.), русско-таджикский (1934 г.), горномарийско-русский (1934 г.), эвенко-русский (1936 г.), русско-немецкий (1936 г.), русско-казахский (1942 г.) и др. Все они были небольшими по объему и краткими (за исключением трехтомного осетинского и двухтомного таджикского). Дальнейшее развитие лексикографической работы, использование опыта советских специалистов, составителей русско-иностранных и иностранно-русских словарей — «Толкового словаря русского языка» В. Даля, 4-томного словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, словаря С. И. Ожегова, — привели к развитию словарной работы и созданию многих ценных двуязычных национально-русских словарей. Весь этот комплекс сложной лексикографической работы стал в нашей стране важным государственным делом, одним из необходимых условий в осуществлении культурной революции.

Характерно, что в ряде мест в результате глубокого анализа хода языкового строительства вскрывались недостатки латинского алфавита. Так, еще в июле 1936 г. лингвистическая конференция, проведенная в г. Улан-Удэ при участии писателей, журналистов и учителей, отметила наряду с успехами в развитии языкознания серьезные недостатки латинизированного алфавита и грамматики, «недостаточный учет существующих норм бурят-монгольского языка и отсутствие отдельных графических знаков для передачи фактически существующих в бурят-монгольском языке звуков»<sup>60</sup>.

Одновременно наблюдалось растущее стремление к изучению русского языка среди народов Советского Союза. Это стремление ярче все-

<sup>57</sup> Там же, д. 4376, лл 78—79.

<sup>58</sup> Там же.

<sup>59</sup> См. Ю. Д. Дешериев Введение к книге «Младописьменные языки народов СССР», М.-Л. 1959, стр. 14.

<sup>60</sup> См. Б. М. Митупов, Г. Л. Санжиев Руководство бурятской партийной организации культурной революцией в республике. Улан-Удэ. 1962, стр. 175.



го выразили передовые отряды народов — коммунистические партии союзных республик. ЦК КП(б) Грузии, например, на протяжении 30-х годов несколько раз специально обсуждал вопрос о состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка в общеобразовательных школах республики. Изучение русского языка было введено в Грузии с 3-го класса начальной школы. Увеличился прием студентов на отделения русского языка и литературы Тбилисского университета, педагогических и учительских институтов. Преподаватели школ проходили курсовую переподготовку<sup>61</sup>.

В решении бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 30 октября 1937 г. подчеркивалось, что абсолютное большинство адыгейцев владеет грамотой на основе русского языка. Если в 1927 г. в школах Адыгеи русскому языку обучалось 1 788 детей, то через десять лет — 10 903<sup>62</sup>.

В заключительном слове на Первом съезде КП(б) Киргизии в 1937 г. секретарь ее ЦК М. К. Аммосов, подчеркивая необходимость коренизации аппарата и создания национальных кадров во всех областях строительства, призывал помнить, что судьбы киргизского народа связаны с русским пролетариатом, со всем Советским Союзом. «Мы должны, — говорил он, — приобщиться к общесоюзной культуре и осваивать вершины этой культуры. Это возможно только при условии, если мы будем изучать в совершенстве русский язык»<sup>63</sup>.

Тот же вопрос отмечался и в отчетном докладе на VIII партсъезде КП(б) Узбекистана. Перед коммунистами-узбеками ставилась задача «изучать русский язык — язык большевизма, средство общения с другими народами и усовершенствования национальных кадров в области научных и технических знаний»<sup>64</sup>. Эта формулировка представляется особенно интересной. Действительно, овладение русским языком вопреки сопротивлению буржуазных националистов приводило к усилению национальных кадров, к их скорейшему формированию, а значит, и развитию национальной социалистической культуры.

В этом плане заслуживает особого внимания один неопубликованный документ Н. К. Крупской — ее письмо И. В. Сталину по поводу преподавания русского языка в национальных школах<sup>65</sup>. Н. К. Крупская писала, что буржуазные националисты под разными предлогами усиленно загораживали батракам и беднякам доступ к русскому языку, а великодержавные шовинисты, по сути дела, помогали расцвету местного национализма. Так, одно время в Татарии стали записывать в число неграмотных людей, грамотных, но не умеющих читать по-русски. Наркомпросу, как указывала Н. К. Крупская, пришлось выступать и против украинских националистов, которые считали родным языком «язык предков» и требовали обучения украинскому языку даже тех украинцев, которые давно живут в РСФСР и ни слова не знают по-украински<sup>66</sup>. На рабфаках в середине 30-х годов были отменены занятия русским языком для представителей национальных меньшинств. Надежда Константиновна выступала решительно против этого. Она писала, что «загородили этим путь в вузы для ряда выдающихся нацменов...». Н. К. Крупская

<sup>61</sup> См. Ц. П. К а л а н д а д з е. Культурная революция и подъем культуры в Грузии. В кн. «Развитие социалистической культуры в союзных республиках». М. 1962, стр. 365—366.

<sup>62</sup> См. «Культурное строительство Адыгеи (1922—1937 гг.)». Сборник документов и материалов. Майкоп. 1958, стр. 366.

<sup>63</sup> ЦГА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 4415, л. 29 об.

<sup>64</sup> Там же, оп. 17, д. 93, л. 59.

<sup>65</sup> Там же, ф. 12, оп. 1, д. 123, лл. 37 об.—42. Письмо условно датируется 1937 годом. Об его отправке сведений не сохранилось.

<sup>66</sup> Сигналы о таких фактах проявления национализма поступали в Наркомпрос и от Отдела народного образования Дальневосточного края, в ряде районов которого русских учеников в обязательном порядке заставляли обучаться нанайскому языку (ЦГА РСФСР, ф. 30, оп. 2, д. 1891).

предлагала издать популярные книги для чтения на русском языке для национальных республик и областей, организовать курсы для подготовки преподавателей русского языка. «Сейчас стоит вопрос об обязательном введении русского языка,— писала Надежда Константиновна.— Это необходимо. Но сейчас весь вопрос, как будет вводиться это обучение? Вопрос очень важный»<sup>67</sup>. Н. К. Крупская высказывает свои соображения и по поводу методики изучения русского языка в нерусских школах. Полная заботы о подготовке кадров, она предлагает при испытаниях в высшие учебные заведения принимать представителей национальных меньшинств в вузы, если они выдержали экзамены по всем предметам, кроме русского языка, с условием овладеть им в течение первого года обучения. Соображения Н. К. Крупской — образец бережного, ленинского подхода к этому важному вопросу. Они свидетельствуют о партийной нетерпимости ко всякому проявлению национал-шовинизма, отвечают потребностям самой жизни и сохраняют свое значение и поныне.

Обобщая повсеместное стремление к изучению русского языка, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли 13 марта 1938 г. специальное постановление об его обязательном изучении в нерусских школах. Соответствующие решения были приняты в национальных республиках и областях. Так, например, 9 апреля 1938 г. было принято решение Президиума ЦИК Киргизской ССР «Об обязательном изучении русского языка в киргизских и других нерусских школах Киргизской ССР»<sup>68</sup>.

В. И. Ленин еще до революции писал о важности изучения всеми народами нашей страны русского языка. Но при этом он неразрывно связывал это изучение с установлением тесного общения, братского единства народов и подчеркивал главное условие этого изучения — добровольность. Высмеивая либералов, доказывавших пользу русского языка для «инородцев», Ленин писал: «Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вкочлачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его и з-под палки»<sup>69</sup>.

Овладение русским языком у других национальностей нашей страны происходило и происходит естественным путем, без какого-либо нажима или ускорения этого добровольного стремления. В этом — яркое проявление ленинской национальной политики нашей партии и Советского государства.

### *Переход на русскую графику письма*

По мере строительства социализма у всех народов Советского Союза все более и более проявлялись тенденции к объединению друг с другом и с русским народом. Осуществление ленинских принципов советской национальной политики, свободное развитие каждой нации на ос-

<sup>67</sup> ЦИА ИМЛ, ф. 12, оп. 1, д. 123, л. 41.

<sup>68</sup> См. К. К. Каракеев. Коммунистическая партия Киргизии в борьбе за подъем народного образования в годы предвоенных пятилеток. «Известия» Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. III. Вып. 2. Фрунзе. 1961, стр. 60.

<sup>69</sup> В. И. Ленин. ПСС Т. 24, стр. 294—295.

нове самоопределения, рост ее государственности, укрепление экономики, развитие культуры, постепенное формирование как социалистической нации сопровождалось укреплением связи всех советских народов между собой, и особенно с русским народом, во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественной жизни. Но погребовалось определенной время для того, чтобы советские народы осознали и почувствовали совершенно новое для них содержание и значение русского языка и русской письменности как формы общения между собой и со старшим братом — русским народом — в единой семье равноправных народов.

В развитии первого в истории многонационального социалистического государства ведущую роль играла постоянная помощь и поддержка, оказываемая русским народом каждому народу нашей страны в социалистическом строительстве, особенно в решении одной из основных задач переходного периода — подготовке собственных кадров для народного хозяйства и культуры. В этих условиях русский язык и русская письменность становились орудием социалистического строительства для всех народов, орудием, помогающим скорейшему осуществлению социализма, формой межнационального общения.

При этом нельзя забывать и еще одного важного явления, присущего процессу социалистического строительства: в ходе организации новой жизни в быт народов входило и входит все больше новых слов и терминов, перешедших из русского языка и являющихся в полном смысле слова интернациональными для всех советских народов. В. И. Ленин говорил о слове «Совет», ставшем близким и понятным миллионам людей на земле. За годы Советской власти вместе с коренной перестройкой экономики, культуры, быта произошло обогащение словарного запаса всех народов не только за счет общего прогрессивного развития, но прежде всего за счет взаимного общения и обогащения понятиями, терминами, в первую очередь свойственными новой эпохе. Таковы интернациональные слова «социализм», «коммунизм», «идеология», «делегат», «коммунист», «комсомолец», «пионер», а также русские слова нового времени: «ударник», «колхоз» и многие другие.

Интересен в этом плане пример сравнительного анализа передовых статей газеты «Социалистик Казахстан», органа Компартии и правительства Казахстана, проведенного казахским историком С. Баишевым. В передовой статье газеты от 5 мая 1924 г. на каждые 1 000 слов приходилось 14 новых слов и терминов. В передовой статье от 5 мая 1930 г. количество таких слов дошло до 63, а в передовой статье газеты от 1 октября 1940 г. на тысячу слов приходилось 236 новых слов и терминов<sup>70</sup>.

Русская графика облегчала усвоение этих интернациональных политических терминов, обогативших национальные языки. Именно поэтому в ходе усиления процесса и темпов формирования национальных кадров, укрепления всех средств и форм межнационального общения, в среде самих нерусских народов возникло стремление к переходу на русскую графику письма. Оно диктовалось прежде всего интересами экономической и политической целесообразности. Латинский алфавит, который в первые годы строительства национальных культур сыграл свою положительную роль, теперь искусственно суживал и затруднял межнациональное общение всех народов СССР. Однако этот переход мог быть осуществлен только при условии, когда каждый народ осозна-

<sup>70</sup> «Казахская правда», 19 декабря 1940 года Цит по книге: С. Баишев Победа социализма в Казахстане (очерки по теории и истории вопроса) Алма-Ата 1961, стр. 258. Сходные данные приводят и другие авторы. См.: А. Алтмышбаев. Некоторые особенности формирования и развития социалистической культуры народов Советского Востока Фрунзе 1958, стр. 38, А. Е. Мординов. Социалистическое содержание и национальная форма советской культуры народов СССР М. 1959, и др.

ет практическую необходимость замены письменности, без какого бы то ни было давления извне.

Первыми еще в 1936 г. перешли на русскую письменность кабардинцы<sup>71</sup>. XIV партийная конференция Дагестана в 1937 г. приняла решение о введении нового алфавита на русской основе. В решении Бюро Дагестанского обкома ВКП(б) 3 ноября 1937 г. говорилось, что такой переход явится «могучим средством дальнейшего политического и культурного подъема трудящихся масс Дагестана и наиболее быстрого и полного овладения ими всеми завоеваниями социалистической культуры народов Советского Союза, еще более усилит неразрывный союз трудящихся Дагестана с русским и другими народами...»<sup>72</sup>. Это решение особо важно для такой многонациональной и многоязычной республики, как Дагестан, в которой проживает более 30 народов, говорящих на различных языках и диалектах, и которая, по образному выражению ученых, является «не столько страной гор, сколько горой языков»<sup>73</sup>.

В октябре 1937 г. Адыгейский обком ВКП(б) в специальном решении подчеркивал, что на данном этапе латинизированная основа письменности уже не удовлетворяет дальнейшему развитию культуры и что перевод алфавита на русскую графику «приблизит адыгейский народ к революционной культуре великого русского народа»<sup>74</sup>.

В Туркмении инициативу в переводе на русскую графику письма проявили учителя туркменских школ Ашхабадского района, которые обратились по этому поводу с письмом к правительству республики в январе 1939 года<sup>75</sup>.

В мае того же года на совещании интеллигенции, созванном по инициативе Азербайджанского филиала Академии наук СССР и Правления Союза советских писателей республики, был обсужден вопрос о переводе алфавита на русскую графику. Совещание, указав на преимущества этого перехода, приняло проект, который решено было вынести на всенародное обсуждение. После широкого обсуждения этого вопроса трудящимися республики вторая сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР приняла решение с 1 января 1940 г. начать работу по переходу на новый алфавит<sup>76</sup>.

Инициатива с мест была поддержана Коммунистической партией и Советским государством, и, согласно свободному волеизъявлению, в течение 1937—1940 гг. был осуществлен переход на русскую графику письма народов Средней Азии, Поволжья, Дагестана, Азербайджана (Армения и Грузия сохранили свой прежний алфавит). В эти годы были составлены своды орфографических правил, изданы учебники, подготовлены программы обучения на родном языке. Повсеместно создавались курсы, на которых учителя, работники печати, почтово-телеграфные работники и другие служащие овладевали новым алфавитом, была перестроена полиграфическая база и т. д.

Этот переход не мог не вызвать ряда издержек, неизбежных при осуществлении такого сложного и трудного дела: пришлось заново перевести на новую графику письма не только азбуки, но и книги для чтения, а затем — всю литературу республик, периодическую печать, га-

<sup>71</sup> В. Г. Костомаров. Свободное развитие языков народов СССР. «Торжество ленинской национальной политики». Сборник статей. М. 1963, стр. 286

<sup>72</sup> А. А. Биллов. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала. 1959, стр. 81.

<sup>73</sup> «Революция и национальности», 1935, № 6(64), стр. 98. По переписи населения 1926 г. в Дагестане жили 52 национальности, которые говорили на 32 наречиях. См. «Революция и национальности», 1935, № 5(63), стр. 100

<sup>74</sup> «Культурное строительство Адыгеи (1922—1937 гг.)», стр. 366.

<sup>75</sup> См. «Туркменская искра», 6 января 1939 года.

<sup>76</sup> См. Г. Исмаилова. Развитие азербайджанской письменности в советский период (вопрос алфавита). 1927—1958 гг. «Известия» Академии наук АзербССР. Серия общественных наук. Баку, № 2, 1964, стр. 87—88 (резюме на русск. яз.).

зеты и журналы. Этими объективными трудностями объясняется некоторое снижение темпов ликвидации неграмотности во многих национальных республиках в рассматриваемый период.

Наряду с соблюдением, как правило, единой русской графической основы при построении новых алфавитов народов СССР самым внимательным образом учитывалось своеобразие звукового состава соответствующих национальных языков. Известно, что латинский алфавит по своему составу беднее русского (он состоит из 26 букв, многие из которых дублируют друг друга). Если при латинской графике письма использовалось сверх этих букв еще около 70 знаков для различных языков народов СССР, то при переходе на русскую графику письма, обладающую 33 основными буквами, дополнительно стали применять около 50 букв<sup>77</sup>.

Процесс перехода на русскую графику письма был завершен в конце 30-х — начале 40-х годов. Одновременно интенсивно развиваются национальные литературные языки, улучшается письменность, растут и укрепляются научные учреждения, занимавшиеся этими проблемами. Стремление к переводу письменности на русскую графику ни в коем случае не означало какого бы то ни было подчинения русской культуре, а было наиболее рациональной формой для развития собственной национальной культуры и в то же время актом дружбы к русскому народу и проявлением интернационального единства советских народов.

Таким образом, складывание письменности советского содружества народов прошло три этапа. На первом из них, в первые годы революции, действовали старые алфавиты, оставшиеся в наследство от дореволюционной России, однако уже и в это время русский алфавит был реформирован согласно новым демократическим требованиям культуры. Второй этап ознаменовался переходом тюркоязычных и некоторых других народов на латинскую графику письма и созданием письменности для большинства бесписьменных народов. В конце 30-х годов осуществляется третий этап развития письменности этих народов — переход на русскую графическую основу.

Главной отличительной чертой всей этой сложной и кропотливой работы является то, что она была проведена исключительно на основе свободного выбора народов под руководством Коммунистической партии и Советского государства, сумевших организационно и материально обеспечить эту эволюцию, сплотить и направить деятельность научных сил, придать языковому строительству необходимый размах, соответствующий темпам и задачам осуществления культурной революции в нашей стране.

В свете изучения этой сложной проблемы поистине могут вызвать только удивление попытки некоторых зарубежных авторов, не изучивших конкретно-исторический материал, выступать с обвинением Советского Союза в насильственной русификации алфавитов. Даже такое солидное издание, как Британская Энциклопедия, подменило изучение данного вопроса построением «концепции» о создании в СССР языковых барьеров, отделяющих якобы народы Советского Востока от народов зарубежного Востока. Таким барьером, как утверждает это издание, послужил сперва латинский алфавит, а затем русский алфавит<sup>78</sup>. Такая точка зрения, как мы убедились, далека от реальной действительности.

Ныне из 130 языков<sup>79</sup>, на которых говорят многочисленные народы

<sup>77</sup> См. В. А. Истрин. Октябрьская революция и система письма народов СССР. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 5, стр. 162.

<sup>78</sup> См. «Encyclopaedia Britannica» Vol. 22. London. 1958, pp. 620—621.

<sup>79</sup> В печати встречаются и другие цифры («около ста», 120, 200 и т. д.). Разнобой, помимо неразработанности вопроса, объясняется тем, что во многих случаях у специалистов нет единого мнения о том, говорят ли те или иные народы (например, Кавказа,

нашей страны, 20 считаются старописьменными, 50 — младописьменными, 60 — бесписьменными<sup>80</sup>. Все они развиваются на основе ленинского принципа полного равноправия и взаимного обогащения. В настоящее время в СССР действуют четыре графических основы письменности: русский алфавит (для большинства народов страны); армянский; грузинский; латинский (для народов Прибалтики — латышей, литовцев, эстонцев). Однако конкретные исторические судьбы различных народов своеобразны, а это сказывается на состоянии и путях дальнейшего развития их языков. В особенности это относится к их функциональному развитию. Если, например, литературные языки продолжают развиваться и расширять свои общественные функции, то этого нельзя сказать о бесписьменных языках, носители которых во всех сферах культуры, просвещения, общественно-политической и государственной деятельности употребляют какой-либо литературный язык. Наиболее широки общественные функции старописьменных языков союзных республик (эти языки обладают богатой терминологией) и в особенности русского языка, который является общим языком межнационального общения народов нашей страны.

Основной линией языкового развития в нашей стране в эпоху развернутого строительства коммунизма является двуязычие, где в качестве второго языка выступает русский язык — язык интернационального единства всех народов СССР. К этому своеобразию в развитии языков и письменности в нашей стране привели объективные исторические условия, создающие все более тесную интернациональную сплоченность советских народов. Общность в строительстве социализма, братское единство в суровые годы борьбы с фашизмом в период Великой Отечественной войны, строительство коммунизма — светлого будущего всех народов — служат закономерной основой этого двуязычия.

В истории известно много случаев существования языков межнационального общения — международных языков. Но для них была характерна в прошлом функциональная и социальная ограниченность. Латинский язык в средневековой Европе (не исчерпавший всех своих функций и до сего времени), арабский язык у тюркоязычных, ираноязычных и других народов, французский и английский языки на современной лингвистической карте мира никогда не выступали и не выступают в качестве второго родного языка для целых народов. А некоторые из этих языков не только служили в прошлом, но и используются в настоящем как орудие национального и социального угнетения.

Положение русского языка принципиально иное. Он во все большей степени становится составным элементом укрепляющейся новой общности людей. На эту роль русский язык выдвинула сама история<sup>81</sup>. И как бы ни старались фальсифицировать события многие буржуазные авторы, им не удастся бросить тень на это великое приобретение народов Советского Союза.

Памира, Севера) на самостоятельных языках или на диалектах. Отметим также, что названия языков в основном совпадают с названиями национальностей. На VIII съезде Советов говорилось, что в Советский Союз входят около 60 наций, национальных групп и народностей. Поэтому при разработке материалов переписи 1939 г. были получены данные только по 62 наиболее крупным народам СССР. По переписи 1959 г. выделено 126 национальностей и 117 языков народов СССР (см. А. А. Исаев. Национальный состав населения СССР. М. 1964, стр. 12—13).

<sup>80</sup> См. В. П. Григорьев, М. И. Исаев. О некоторых проблемах исследования закономерностей развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций. «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка, 1962, № 6, стр. 262 сл.

<sup>81</sup> См. И. К. Белодед. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. Киев. 1962; К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент. 1963, стр. 84 сл.